

Мансур Вахитов

Бумеранг

Литературное объединение
«Уфимские литераторы»
(УфЛи)

Мансур Вахитов

Бумеранг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24611668

ISBN 9785448538117

Аннотация

Бумеранг – странное оружие: он возвращается, если не попадает в цель, и вся энергия, заряженная в него броском охотника, способна обрушиться на самого охотника, превращая его в дичь. В сборнике представлены стихи последнего десятилетия, написанные в самых разных уголках нашей страны.

Содержание

АЛЖИР1	5
Бесёдка	7
Заповедное прошлое	8
Молитва бестолковых	10
Бумеранг	12
Ветер Фён2	14
Осеннее, птичье	16
Сонет +	18
Слушая Альбиони	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Бумеранг

Мансур Вахитов

© Мансур Вахитов, 2017

ISBN 978-5-4485-3811-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЖИР¹

Кто с клятвой, кто с заклитием на бронзовых устах:
с Петрушею Володенька сошлись на небесах.

Титаны мечут молнии – людей ломает: «хрусть»,
а степью за Акмолинском на сердце давит грусть
о том, что Петя с Вовою, дуэтом бог и князь,
опять пошли Европою, народа не спросясь.

В России так устроено: хоть Африкой иди,
вас выведут к Акмолинску трактовые пути.
Воскликнет некто «азия-с!», ему ответят «ась?»
Вы на хрена Европою, народа не спросясь?

А мир свернулся в корочку, в сухарь ужался мир,
и снова жутким мороком в Акмолинске – АЛЖИР.
Но Пётр – камень – наше всё, и Ленин – наше всё,
а у меня под ложечкой предательски сосёт.

Замнём мои видения – бордовы небеса,
и маками кровавая в степи лежит роса,
и я кровавой ветошью, как рушником, утрюсь.
Как ветки льдами вешними, людей ломает: «хрусть!»

¹ АЛЖИР – Акмолинский лагерь жён изменников Родины в системе ГУЛАГа

24. 11. 2012

Бесёдка

Ищу фамилию простую – Пантюхов —
на кладбище умершего села.

Он стал отцом, а после «был таков»,
и дочь его бездетно прожила

отпущенный ей срок. Стоят кресты —
таблички ржавые, и нет имён.

Не поминают. Пять дворов пустых.
Болотами и лесом окружён

клочок земли – как предки заповедали,
земли Смоленской. Где его сыны —
села Бесёдка? Некому беседовать.

Изъятые историей страны,

как щепки на заброшенных делянках
пропавшие – забыты без затей.

Но снова вывернувшись наизнанку,
век кончился, и на его останках
толчёмся мы с беспамятством детей.

11. 06. 2010

Москва

Заповедное прошлое

В заповедное прошлое вход по счастливым билетам.
Управляют надежды, грустящим – не место, изгоям.
Это будет в метро: перепрыгивая турникет, я
успеваю в последний вагон, чтоб затем, над рекою

разорвало гремящий состав и, слетев с эстакады,
мой вагон проскочил анфиладой незримых порталов,
на ускоренном реверсе годы потешным парадом
отмотав до осознанной точки, где было начало.

Целый век перевёртышей власти, морали и смыслов —
у грядущего шанс наступить, совершившись иначе.
Будто Бог на плечах вёдра полные на коромысле
нёс, устал, и одно, посчитав-погадав на удачу,

слил под будущий куст пробивающейся новой эры,
за вторым потянулся – в нём ведать никто не желает,
как мучительно канут и судьбы, и жизни, и вера
в безвозвратном процессе, когда тебя просто «сливают».

«Здравствуй, Время моё, я непрошенным здесь
появился,
я могу научить, как избежать крутых поворотов:
наблюдая и впитывая, я прилежно учился,

я себя проживал до бессилья, изжоги, до рвоты.

Уцелев и растратив все девять отпущенных жизней,
напоследок я вам расшифрую, что будет, что станет». Но надеждами вскормлена наша былая Отчизна:
кто надеется, тот ничего понимать не желает.

Я ещё разгляжу старый двор, загорелых мальчишек,
со скакалкой соседку. Почувствую воздух рукою:
«До свидания, Время моё, ты доверчиво слишком,
и тебе предстоит пережить эту участь – изгоя».

07. 09. 2010

Уфа

Молитва бестолковых

...Господи, скажите Слово мне!
Знаменем иль другим явлением
дайте знать! Для Вас – работа плёвая:
паствы бестолковой вразумление.

Души, по-привычке, к небу тянутся,
но, неверием отягощённые,
– Осади! – кричим. – Концы не вяжутся:
там, за небом, только «дыры чёрные».

Каждый метр обшарен телескопами,
ближний космос бороздим ракетами, —
вслед за просвещённую Европою
убеждаемся, что Бога нету там.

Выучка: наставлены в неверии.
Минули навечно дни спокойные:
зреет православная империя,
церкви повсеместно вновь отстроены.

Жадно ждёт народонаселение
с искреннею самою симпатией
Вашего воочию явления,
а при случае – рукопожатия.

26—28. 01. 2007

Уфа

Бумеранг

Не гольфист, но расчётлив замах – белила и сажа,
и киноварь
пёстрым змеем взметнутся и – нате вам! – пропеллером
трепеща,
о, сикорски! предтеча наивный твой, вертолетом брея
вдаль,
изящно изогнутой палицей в боевом развороте...
праца —

легендарною стала ровесница – в неолите давидовом
сгинула,
уступив напряженью избыточному воловьих
натянутых жил.
Evviva l'aerodinamica! – обучись языку италийскому —
не поможет выскабливать кремнием железного дерева
жилы...

Запустили, махнули, забыли, отвернувшись, – посланец
неистовый
барражирует где-то вне видимости, мимо цели по воле
небес,
может быть, уже где-то в семнадцатом, неумышленно
и немислимо,
прошуршит за спиной ненавязчиво и зарядит в затылок

тебе.

06. 07. 2014

Ветер Фён²

...безлиственный, изломанный, бесплодный
мой сад стоит на вечной мерзлоте,
цепляясь жилистыми пальцами корней
за обжигающие ледяные камни

...туман калачиком свернулся возле ног —
окоченевшему без солнца не лететь,
и в обморочном смертном полусне
бессвязное твердит туман мне

о том, что провернётся свод небес
со скрипом промороженной оси,
и соскользнёт с далёких южных гор
в долины северные лёгкий ветер Фён —

он принесёт с собою тёплый снег,
насыплет пригоршнями белые сугробы,
разбудит солнце и прибавит день,
и явятся на этот божий свет
бурундуки, тетерева и лоси,

но будет уже солнце не унять:
его ожоги ледяным сродни,

² Фён – теплый, сухой и порывистый ветер с гор

и, разогретый жарким солнцем, лёд
взорвётся многими фонтанами, себя

выплёскивая деревьям под ноги —
не удержать распластанным корням
поплывшей между пальцами земли,
казавшейся навечно скальной твердью.

...где был мой сад – сплетения корней
бесстыдно в небо вместо гордых крон,
и веет жаркий южный ветер Фён,
их иссушая...

...безлиственный, бесплодный
мой сад стоит на вечной мерзлоте,
и в обморочном смертном полусне
бессвязное твердит туман мне...

2014

Москва

Осеннее, птичье

Вот бы птицею мне стать
на неделю,
с высоты обозревать
в дымке землю.

Видишь, в небе толкотня —
птичья стая? —
с этой стаею и я
улетаю.

За неделю не достичь
мне Египта,
с птичьей стаей по пути
я погиб бы,

потому поворочу
я на север:
что мне, чёрному грачу,
встречный ветер?

За неделю доберусь
в гости, други,
излечите мою грусть
в Петербурге.

25. 10. 2008

Уфа

Сонет +

*Lasciate ogni speranza voi ch' entrate*³
Данте «Божественная комедия»

Оставь надежду всяк сюда входящий,
она – предтеча разочарований.
Мир этот – чей-то музыкальный ящик,
наказываемый порой молчаньем.

Но невозможна немота живущим,
я сопрягаю вновь слова и ноты,
чтоб вразной хрипящий и орущий,
клонимый в собственном помёте,

не сгинул, распадаясь в одночасье
под гнётом галактических гармоний,
мой диссонансный, воспроизводящий
ежесекундно и без антимоний

себя – мой мир. На благодное счастье
оставь надежду всяк сюда входящий.

Когда-нибудь закончится завод,
и, варварская, смолкнет наша песня —

³ Оставьте всякую надежду, вы, входящие сюда

музыка сфер наполнит небосвод,
и над пустыней грянет хор небесный

о неисполненном, тщете надежд —
они рождаются с каждою звездю,
исчезнуть чтобы, согнуться, но не пре-
жде, чем встанет музыка
с пружиной заводною.

19—20. 07. 2010

Слушая Альбиони

Начало Европы: пошёл восемнадцатый век,
и есть, что делить в этом мире придворных гавотов.
Блистательна Порта, негромок Вольтеровский смех,
а музам служенье – *служение*, но – не работа.

Родиться в купечестве – тоже немалый талант,
а быть музыкантом при этом, наверно, несчастье,
хоть Бог покровительствует, верно, сам – музыкант:
врачует гармонией неутолённые страсти.

Венеция, старый надёжный торговый корабль,
скрипит, разворачиваясь посреди Средиземья.
Маршруты иные проложены: дон Кристобаль
давно прочертил килем западное направленье.

Но в землях Италии, в древнем и нищем краю
летит к небесам нарождающееся бельканто.
Болонья и Мантуя, Генуя, Пиза – поют,
сеньоры без армий оплачивают музыкантов.

Трагедией кончится век, как и всякий другой.
Да, есть единение силы – военной, финансов,
но – слава поющим, в могиле одною ногой,
и тем заявляющим миру: они – итальянцы!

Скрипач из купцов сочиняет неспешно свои концерты в гармонии с миром, дискантом гобоя выводит мелодию, веря, что Бог сохранит, и тот сбережёт посреди векового разбоя.

Наивно надеяться: кто-то, спустя двести лет, отыщет в развалинах жёлтый клочок со строками и досочинит, восхитившись, и выпустит в свет — продолжится имя... быть может, кого между нами.

Теряя слова, пропадает строфа за строфой — они растворяются в индифферентном пространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.